

Сергей Хугаев
Нарт Фарнаг

Отрывок из драмы в 4-х действиях.
(Перевод с осетинского Ирлана Хугаева)

Sergey Khugaev
Nart Farnag

An excerpt from a drama in 4 acts.
(Translated from Ossetian by Irlan Khugaev)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
Сцена первая

Улица в селении Нартов. Сидят Хуро и Еухар.
Перед ними стоит молодая женщина с кувшином.

Еухар (осушив чашку кваса, к Хуро). Не выпьешь ли еще?

Хуро. Довольно. Пусть Бог благословит сноху.
Еухар (к женщине). Ступай. Да умножится твой баркад¹.

Женщина уходит.

Майгас (издалека). Фадис², Нарты! Айгуры пленили Уана Бораева!

Хуро и Еухар смотрят друг на друга.

Хуро. Что, что он сказал?

Еухар молчит, прислушивается.

Майгас (уже ближе). Фадис! Бораев Уан попал в плен к Айгурам!

Хуро. Хоть бы одна неделя прошла без фадиса!

Майгас (появляясь). Беда, Нарты. Бораева Уана Айгуры схватили!

Еухар. Нашли, кого схватить! – больного, немощного юношу, да поразят болезни всех их мужчин!

Собираются Нарты, о чем-то тревожно расспрашивают друг друга, переговариваются.

Хуро (к Майгасу). Где это случилось?

Майгас. Под древом Бора. Сидел, как всегда, играл на фандыре. Айгуры подкрались сзади.

Людей все больше, гул нарастает. Появляются Сагахс и Бырсаг.

Сагахс. Верховые, скачите к древу Бора! Может быть, нападём на их след.

Улица пустеет; остаются Хуро и Еухар.
Сидят, опустив головы.

Еухар (помолчав). Чтобы съесть наши обиды тому бардуагу³, что заставил Бора посадить дерево в том месте. (Через паузу.) Да и стоило Бора слушать его! Попал к тебе саженец – и посади его там, где от него больше проку. Вот если бы теперь росло то дерево в Кугоме, – чем бы это было нам плохо?.. Где еще такое дерево найдешь! – целое лето мед течет с его ветвей. (Замолкает, взглядывает на Хуро.) Нет, посади, говорит, там его, откуда видны все Три Нарта⁴, да еще и Чинта⁵!.. Чего нам еще и желать, если видны с того места и Нарты, и Чинты!

Хуро. Саженец-то Бора, кажется, из Талмыкада привез, не так ли?

Еухар. Оттуда. Был Бора на охоте, ходил с утра до ночи, и даже ухо от козленка не досталось ему. Прилег он, голодный и уставший, под одним деревом. Тут, словно он за столом обильным сидел, и голод, и усталость его сразу пропали. И воскликнул Бора: «Блажен, на чьем дворе растет такое дерево!», и тут же уснул. И видит человека с белой бородой, который и говорит ему: «На краю Талмыкада из-под черной скалы бьет черный родник. Ступай вниз по ручью, и там, где вода уходит в землю, увидишь росток такого дерева. Однако, – говорит ему белобородый, – ты должен посадить его там, откуда видны три селения Нартов и Чинта».

Хуро. Да и тот камень, что Бора установил у себя над дверным проемом, тоже из Талмыкада.

Еухар. Оттуда, оттуда. Откуда же еще!.. На той глубине, куда достигали корни саженца, лежал в земле тот кремневый валун. Много лет он освещал порог дома Бора. Он подложил под камень булатные наконечники стрел, и камень засиял, как луна. А когда Бора умер, то и камень погас.

Хуро. Говорят, что Бора не хотел слушаться старца?.. Как же удалось белобородому убедить его?

Еухар. Да, был у них разговор; как не быть! А разговор был вот какой. «Знаю, – Бора говорит, – такое место на юге Страны Нартов, но место это опасное. Потому, – говорит, – опасное, что находится на самой границе Страны Айгуров. Айгуры же и без того всегда норовят украдкой, сзади напасть, и нам же еще спиной к ним повернуться?» Вот что Бора белобородому сказал.

Хуро. Да, в самом деле; именно так, кажется, и сказал.

Еухар. Тогда засмеялся белобородый и так ответил ему: «Ах, славный Бора Нартовский! Где

ты встречал на земле такое место, чтобы перед тобой было тепло, а заду – безопасно? Я, – говорит, – нигде такого места не знаю».

Некоторое время молчат.

Хуро (*задумчиво поглаживая длинную бороду*). Что с нами будет? Тревога не дает мне ни сна, ни покоя. Разве что Бог поможет нам? – не верю больше, что своими силами возродим землю Нартов.

Еухар. Что же Бог! Правды и у него нет. Мы ли не приносим ему жертв, мы ли не молимся ему? У других народов ни алтарей, ни молитв для него нет, а к ним все-таки больше благоволит. Отвернулся от нас. Не лицом к нам, а спиной сидит.

Хуро. Видно, такие времена настали, что и Бог не в силах исправить.

Еухар. А коли не в силах, пусть хотя бы даст нам понять, что не в силах: так и так, я, дескать, не в силах, теперь каждый сам за себя. Ведь мы Бога боимся оскорбить; а если и этому страху конец, то, что бы там ни было, а уж погибнуть мы сумеем. Умирать кто ж когда-либо умел, как не Нарты!

Некоторое время молчат.

Хуро. Наверно, легче дышалось Уану под деревом Бора. А как жалобно пел там его фандыр! – словно Уан поверял ему свои обиды. И к такому подкрасться сзади и схватить! (*Снова запустив пальцы в бороду*.) Когда человек слишком долго живет, настигает его горечь бытия, и напасти обрушиваются на его голову. За что сподобил меня Всевышний таких долгих лет? Почему никак не оборвется нить моей жизни? – ведь она так истончилась. Зачем довелось мне видеть такое запустение в земле Нартов? – отчаяние съело душу мою: и до Страны Мертвых не дойти ей. Какими землями мы владели – и где они теперь? Странное великодушие, опасное великодушие: боюсь, не погубило бы оно нас. Я понимаю: подари меч, коня, копые – но как можно раздавать свои земли, усеянные могилами предков, пронизанные твоими корнями! Кому нужны твои корни, кто отнесется к ним с должным почтением?! Вырвут их из земли – и будешь перекасти-поле: ни жизни, ни смерти тебе не будет, ибо нет без корней ни жизни, ни смерти. Вот: теперь наши соседи кто лягается, кто грудью на нас прет. А Гуйгуны и вовсе обнаглели. Тогда нашим вождем был Афсадаг – он и пустил их жить на наши земли. «Живите, – говорит, – и плодитесь», – и отдал им эти тучные долины. Теперь – гляди – стали мужчинами: о какой, дескать, земле вы говорите; не мы на вашей, а вы на нашей земле живете!

Еухар. Даже у диких зверей нет такого обычая – есть себе подобных. Кто ж тогда эти Айгуры, если им кажется вкусной человеческая кровь? О Великий Боже, помилуй меня! Да и не к любой крови у них охота. Наша кровь им слаще кажется,

нартовская кровь им и чище, и красней. (*Качает головой из стороны в сторону*.) Или мы утратили мужество и твердость? – нет ничего страшней, чем утратить твердость, пусть с моим врагом случится такое. Мягкость подобает женщине, а мужчине подобают твердость и мужество. (*Помолчав*.) Да мы никогда и не были мягкими, их коса всегда находила на камень! Однажды на охоте оленя убил; вдруг появляются двое: «Этого оленя, – говорят, – мы подстрелили». И вот – возьми и приди мне в голову мысль отдать им оленя. Думаю про себя: «Я еще убью, олени, чай, не перевелись на земле». Но когда они набросились на него, как волки, когда, даже не сняв с него шкуры, вырвали ему сердце и печень – я осердился на себя. С какой стати я уступил им мою добычу?! Разве я им должен что?.. Схватил одного за ноги, ударил о землю головой. Земля была мягкая, сырая – вошел он в землю по плечи. Дернул раз ногами – и затих. Другой как увидел такое дело – бросился бежать. Ты должен помнить, какие были у меня ноги: за мной жеребенок не мог угнаться; а что мне было догнать этого Айгура? Двинул его сзади кулаком по шее – он и отпрыгнул язык свой...

Хуро. Одно я знаю точно: не к добру все это. Со всех сторон у нас недруги. Только о нашей гибели мечтают, каждый из них. Если бы однажды они не увидели очажных дымов над нашими домами, они послали бы друг к другу гонцов с радостной вестью.

Слышится стук лошадиных копыт.

Появляется с шумом группа Нартов.

В руке Сагахса фандыр и смычок.

Ничего?

Сагахс. Ничего. Вот только фандыр его нашли и смычок.

Хуро. Где нашли?

Сагахс. Фандыр лежал под деревом, а смычок нашли дальше. (*Передает находки Хуро*.)

Хуро. Видите? – смычок он прихватил с собой и бросил, чтобы указать нам, в какой стороне его искать.

Еухар. Не понимаю: смычок – не иголка: как могли они не заметить смычка в его руке, или то, как он бросил его? Что они – слепые? – да ослепнуть им всем!

Сагахс. Их не беспокоят такие пустяки. Им бы только Нарта схватить – тогда уж они и глухи, и слепы. Тогда их поганые рты забиваются пенной слюной: сейчас, дескать, полакомимся кровью нартовской! (*Спокойнее*.) Так что же нам делать, что скажете?

Хуро. Погодить, дети мои. Решение прежде дела, а тех, кому это решать, здесь нет. Ни Фарнага, ни Сослана я не вижу. Да и Урузмага, кажется, нет на месте?

Сагахс. Урузмаг в походе. А Сослан пас в очередь нартовский скот. Два бычка Коба из Чинтов

у него пропали, – так он пошел их искать.

Хуро. Как же он потерять их мог? Или глаза его тоже пошли щипать траву? Врагу не пожелаю иметь дело с Коба Чинтовским; уж я его знаю.

Сагахс. В ту ночь гроза была над Лакибидиром.

Хуро. А здесь уже неделю ни капли не упало с неба.

Сагахс. Ливень стороной прошел. На нас только его дыханием повеяло, как-то под вечер. Но Лакибидир превратился в болото.

Хуро. Об этом я не слышал. Однако известно, что Лакибидир место дождливое, да сдохнуть там моей собаке. Везде – солнце и покой, а там земля и небо, как дикие туры, друг в друга колотятся.

Замолкают. Хуро проводит ладонью по струнам фандыра, потом начинает играть и запекает низким и приглушенным голосом.

Мертвых нет блаженнее на свете –
Тех, кто волен от земных забот.
По свету рассеяны их дети.
Их никто уже не соберет.
В сердце Нарта холод и унынье,
И ни сна мне, ни покоя нет.
Нет, в походы мы не ходим ныне:
Заговор удел наш и навет.
Мы к вождям не говорим без лести.
Нет у нас доверья к молодым.
А твердили встарь, ища лишь чести:
Лучше без потомства, чем с дурным.

Майгас. Сослан идет!

Нарты поворачиваются и смотрят, вытягивая шею и как бы подвигаясь к Сослану навстречу.
Появляется Сослан.

Сослан. Что с вами, Нарты? Вы похожи на колосья побитой градом пшеницы.

Сагахс (*шагнув к Сослану*). Побило, побило

нас градом. Уана у нас похитили.

Сослан. Не о брате ли Фарнага ты говоришь?

Сагахс. О нем.

Сослан. А где сам Фарнаг?

Сагахс. Сам на охоте.

Сослан. Тогда стоит поспешить. Надо отправляться, пока он не вернулся. Не то не отпустит нас: таков наш Фарнаг! (*Со злостью*.) С тех пор, как я начал носить меч, одно твержу: надо их всех уничтожить. Раз не дают нам жить спокойно – значит, надо нам самим прийти к ним и всех истребить. Нет – никто не слышит меня. А теперь еще и этот Фарнаг! Плохих народов, говорит, нет, есть только плохие люди в каждом народе. Но почему же – да поразит молния твой очаг! – не считать плохим народом тот, в котором много плохих людей?! (*К Сагахсу*.) А откуда известно, что он у Айгуров?

Сагахс. Смычок его фандыра мы нашли в ложбине, на айгурской дороге.

Сослан. Этого мало. Они могли бросить смычок в одну сторону, а сами пойти в другую. Путать след ума хватит у каждого из них. Когда в прошлом году пропал Биндар, тоже думали, что он у Айгуров: плеть на их дороге валялась. Потом оказалось, что он у Гуйгунов. И пока семь раз по семь голов крупного рогатого скота не пригнали им, они держали его в яме. (*К старшим*.) Однако что же нам делать с нашей бедой?

Хуро. Мы понимаем: вы хотите на них ударить; но ударить – это война, а война – дело кровавое. Подождем: послушаем, что скажет Фарнаг.

Сослан. «Фарнаг», «Фарнаг»! Слово Фарнага стало нашим законом! В конце концов, кто он такой – Фарнаг? Чем он прославился? Какую услугу он оказал Нартам? (*Делает движение, чтобы уйти; останавливается и поворачивается*.) Осмотрим хотя бы ложбину, поглядим окрест Стоячего Камня: чего не бывает?..

Хуро. Это можно. Если кто решил поглядеть окрест, – в том нет ничего плохого.

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1 Баркад (бæркад) – богатство, изобилие, щедрость.

2 Фадис (фæдис) – крик тревоги.

3 Бардуаг – небесный покровитель, дух.

4 Три Нарта (Æртæ Нарты) – три Нартовских селения (фамилии).

5 Чинта (Чынтæ) – Чинты, или селение Чинтов, народа, дружественного Нартам.

